

Дневник экспедиции Хеминга Эрнестуэя- -младшего

Хелсли степей World of Warcraft: Зелёные холмы Тернистой долины.

<https://litres.ru/74496202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обрывки из дневниковых записей Хеминга Эрнестуэя-младшего, записанные им во время охотничьей экспедиции в Тернистую долину.

Содержание

Грязный, размокший, надорванный дневник.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Хелсли из степей World of Warcraft: Зелёные холмы Тернистой долины.

Грязный, размокший, надорванный дневник.

*Обрывки из дневниковых записей Хеминга Эрнесту-
эя-младшего, записанные им во время охотничьей экспеди-
ции в Тернистую долину.*

День 5

Мир встретил нас влажным дыханием джунглей — тягучим, тёплым, как жар лихорадки. Этот воздух нельзя было вдохнуть свободно — он сразу оседал внутри, липкий, словно пиявка на коже, будто сама Тернистая долина пыталась вползти в лёгкие и остаться там навсегда. Мы ступили в землю, где каждый лист — как заточка, каждая тень — капкан, каждая трещина в ветке за спиной — предвестие боли. Здесь не природа. Здесь воля — слепая, древняя, голодная. У неё нет ни лица, ни имени, но всё в этом месте подчинено ей.

Всё хочет жить. А потому всё готово убивать.

Первый день прошёл так, как и полагается первым дням: сумбурно, тревожно, как первая схватка с тем, кто сильнее тебя, но не решился добить. Мы много молчали. Каждый был занят собой, своими мыслями, своими воспоминаниями — и, возможно, своими страхами. Подобно тому, как боевой отряд на привале закладывает первую укреплённую позицию, мы, охотники, посвятили большую часть времени лагерю — ритуалу начала, не менее важному, чем сама охота.

Мы поставили лагерь у заброшенного рукава реки, где вода казалась чернильной и мёртвой, а корни деревьев, выползавшие из ила, напоминали руки утопленников — иссохшие, и всё же жадно тянущиеся к небу.

Старый причал, покрытый мхом, дышал древностью. Я провёл пальцами по доске — и ощутил, как под ногти въедается гниль. Здесь не просто сырость — здесь память. Плотная, вязкая, с привкусом забытого. Здесь кто-то жил. Кто-то умер. Кто жил здесь прежде? Люди? Тролли? Те, чьи имена давно стёрлись дождём и молчанием — и чьи кости, быть может, лежат у нас под ногами?

Мне стало холодно. Отнюдь не от погоды — от осознания. Мы не первые. И, быть может, не будем последними. Но кто вспомнит нас? Кто впишет наши имена, если всё закончится плохо?

Со мной — трое. Каждый по-своему опасен. Каждый — маска, надетая на более глубокую истину. И я доверяю им...

насколько вообще можно доверять кому-либо на краю карты.

Ажек Руак. Ребёнок войны. Дочь моего давнего друга, сражавшегося рядом со мной в дни, когда ещё верили в героизм. Она — словно сама стрела: прямая, быстрая, без пощады. В её взгляде нет места юности — лишь отголоски боли, выученной слишком рано. Я смотрел на неё — и перед глазами не только она, но и призрак её отца, сражённого клинком орочьего воина у стен Штормграда. Она переняла его волю, но в ней — что-то иное. Не просто ярость. Знание. Скрытая печать рока, будто бы судьба сама вложила в её руку лук, с которым даже ночные эльфы уступили бы в меткости. И каждый раз, когда она отпускает тетиву, мне кажется, что я слышу, как говорит её отец. Шёпотом. Сквозь смерть. Сквозь годы. Иногда я боюсь за неё. Иногда — её.

Сэр С. Дж. Эрлджедин. Его имя звучит как звон старинного колокола, чей язык давно заржавел. Он был дворянином — и сам отрёкся от этого, когда король отвернулся от справедливости. Он — не воин королевства. Он — воин совести.

Он происходит из знатного людского рода. Его отец, граф Эрлджедин, славился щедростью и в своё время выступал за улучшение условий для Гильдии каменщиков при восставлении Штормграда после Второй войны. Тогда его слова ещё что-то значили.

Но позже, когда королевство обмануло Братство камен-

щиков, сэр Эрлджедин разочаровался в аристократии окончательно. Он не стал отказываться от имени — просто перестал принадлежать тому миру, в котором оно имело вес.

У него — своя боль, своя история, которой он делиться не станет. Его спокойствие — маска, но маска стальная. Арбалет — его голос. Он говорит им. Говорит быстро. Метко. Без жалости.

И Барнил. Старый, надёжный, неугомонный дворф. Его руки знали не только оружие, но и поварёшку. Он всегда рядом. Всегда бдит. Он может спорить, может жаловаться. Его брюзжание — успокоение, как скрип родной двери в пустом доме. Я не знаю, остался ли у него настоящий дом. Может, нет. Может, это и есть его дом — идти рядом, готовить, вставать первым, ложиться последним. Когда он рядом, мне чуть легче дышать. Мой последний якорь в этом бурлящем омуте времени и крови.

Мы разожгли огонь. Слишком рано, но сегодня мы нуждаемся в нём сильнее, чем в осторожности. Джунгли не возражали. Пока. Пламя плясало, отражаясь в глазах каждого из нас, отбрасывало зыбкие тени, и я ловил себя на том, что эти тени куда реальнее, чем люди.

Я сидел в тени, записывая это при свете сальной свечи, и чувствовал, как ночной воздух медленно, лениво, но неотвратно ползёт по коже. Он слушает. Он пробует нас на вкус.

Сегодня мы не умерли. Это всё, что я могу сказать с уверенностью. Завтра джунгли решат, кто достоин продолжить

путь. Или быть съеденным ими.

Но не будем отвлекаться. Моё повествование — не политический трактат и не биография. Я всего лишь делюсь опытом участия в большой охоте среди зелёных холмов Тернистой долины.

День 6

Скорбь приходит тихо, как туман. Но смерть — она, напротив, всегда торжественна, даже если прячется за стрелой.

Утро началось спокойно. Огонь догорел, оставив после себя лишь сдержанное тепло, будто последнее прикосновение призрака.

Ажек сидела на корточках у самого берега, неподвижная, как статуя, вырезанная из горечи и молчания. Она глядела в воду с такой сосредоточенностью, будто пыталась прочесть в глубине какое-то пророчество. Я не знал, о чём она думает. И не смел спросить. В ней было что-то от хищной птицы — не укрощённой, но умеющей ждать.

Солнце едва тронуло верхушки деревьев золотом, когда она резко поднялась и без слов — без единого звука — выстрелила в сторону Барнила, который так же сидел у самой кромки воды в нескольких шагах от нее.

Сердце моё, старое и уставшее, на миг перестало биться.

Но стрела предназначалась не ему. В ту же секунду, когда Барнил, ошеломлённый, отшатнулся с громким «эй!», из во-

ды поднялось чудовище — древний хищник, забытый и глухой, как само болото. Кроколист. Его чешуя отливала зелёным мраком. Удар. Он застыл. Стрела пронзила чешуйчатый череп между глаз — точно, безжалостно, неизбежно.

Ажек даже не дрогнула. Только кивнула — себе, не нам. Она знала. И я, вновь глядя на неё, понял: я её не знаю. Со всем. И потому — доверяю. По-своему. Осторожно.

Мы двинулись вглубь. Тернистая долина не просто принимает пришельцев — она пробует их на зуб. Здесь всё живое смотрит, всё растёт с умыслом. Деревья здесь наклоняются, как будто прислушиваются. Корни вытягиваются на тропу, словно хотят схватить. В листве — не тишина, а шёпот.

К полудню Барнил начал отставать. Его шаги стали глухими, как удары молота по сырому дереву. Он тяжело дышал. Джунгли — не его стихия. Он — не охотник, и джунгли его не любят. Здесь мало смысла в опыте, если не умеешь молчать и не дышать. Я уже собирался одёрнуть его, когда сэр Эрлджедин, не говоря ни слова, указал вперёд. Он не говорил. Он вообще редко говорит. Но его жест был ясен.

Глаза. Тёмные, как бездна. Глубокие. Из зелени, из влажной тени, на нас смотрел самец тигра. Без страха. Он был великолепен. Не просто зверь — а дух. Гордость долины. Воплощение всего, что здесь живёт и умирает.

Движение!

Арбалетный болт Эрлджедина вонзился в бок зверя. Тот взревел. Не от боли — от ярости. От осознания конца. Он

попытался скрыться, но был обречён. Последний удар — и топор Барнила завершил начатое. Мы победили. Но радость, как всегда, была мимолётна.

Я смотрел, как кровь стекает в землю, и думал — сколько ещё таких смертей примет эта долина, пока она насытится?

Ответ я получил чуть позже. Когда мы подготавливали тушу к транспортировке в лагерь, внезапно раздался ужасный рёв. Я в жизни не слышал такого леденящего кровь звука.

На горизонте, среди теней, что не двигались с ветром, возник Он. Хищник. Молчащий. Величественный. Больше, чем зверь. Меньше, чем бог. Его рёв был не звуком — проклятием. Предупреждением. Джунгли говорили: «Вы пришли за мясом. Но вы сами — мясо». Это был Король Бангалаш.

Он не рычал — он возвестил. Его глаза — две луны над обрывом. Он не бросался. Он не нуждался в этом. Он просто был. И исчез. Но не ушёл. Он остался в наших сердцах.

Я глядел на своих спутников — на Ажек, которая стояла тихо, с напряжённым лицом, будто в ожидании голоса оттуда, с другой стороны мира. На Эрлджедина — неподвижного, словно вырезанного из тени. На Барнила — потного, хмурого, и всё же стоящего, как утёс.

Я понял: охота изменилась. Это больше не про дичь. Это про нас. Про наши страхи. Про наши пределы.

Я обещал своим товарищам, что на следующий день мы отправимся охотиться на пантер, так как их мех очень высоко ценится по всему Азероту. Учитывая, что большинство

охотников и торговцев мехом сейчас храбро отдавали свои жизни, сражаясь за Альянс, этот мех ещё больше возрос в цене.

Ажек и сэр Эрлджедин страстно желали научиться стрелять из дворфийских винтовок. Я велел им завтра оставить своё примитивное оружие в лагере. Мы с Барнилом снарядили их лучшими образцами стальгорнских ружей.

День 7. Утро

Ночь прошла безмолвно. Лишь ветер, похожий на вздох уснувшего титана, лениво перекачивался по кронам. Он шептал что-то на своём, чуждом языке — древнем, как кости мира. Эти слова были не для нас, они были для тех, кто уже стал тенью.

Мы дожили до рассвета — и в этом уже был вызов, и победа, и странная, сухая благодарность.

Свет пробивался сквозь пелену листвы, не щедро — скупо, как сквозь бойницы крепости. Он не озарял, он расщеплял тьму на полосы, режущие глаза. Над сырой землёй, между вздувшихся, словно жилы исполина, корней, стелился белёсый туман. Он тянулся за нами, лип, будто сама земля не хотела отпускать.

Я не спал. И не потому, что не мог — потому что не смел. Перед глазами стоял силуэт — молчаливый, величественный, словно ожившая легенда. Белый тигр. И не просто

зверь. Что-то иное, и большее. Возможно, дух самой Долины. Не союзник, не враг. Он не нападал. Не рычал. Он смотрел.

На нас. На меня. И в этом взгляде было нечто, чего я не знал, не понимал, но чувствовал — суд. Я знаю этот взгляд. Я видел его, когда стоял над телами тех, кого не должен был терять. Когда лечил тех, кому не суждено было выжить. Когда предавал веру — ради правды. Или ради чего-то, что тогда казалось правдой.

Он напоминал об этом.

Ажек спала, свернувшись, как зверёк, и прижав к себе ружье, словно дитя игрушку.

Я смотрел на неё и не узнавал. Нет, не так — я видел в ней нечто, что невозможно объяснить словами. Не просто мастерство. Не просто дикость. Там было спокойствие, похожее на лезвие — чистое, холодное.

Во сне её лицо было другим. Почти уязвимым. Странно детским. Я невольно подумал — сколько боли нужно пережить, чтобы научиться так спать?

Эрлджедин не спал. Он не двигался вовсе — только сидел, скрестив руки на коленях, глядя в угасающий огонь. Он всегда такой.

Молчаливый. Грозный. Строгий — но не к нам, а к себе.

Я знаю этот взгляд. В нём — глубины. Воспоминания. Боль. Тени предков. Клятвы, что уже никому не нужны.

Мы все были пленниками прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.